

А. Н. МАКСИМЧИК

ЭКСПЕДИЦИЯ А. К. СЕРЖПУТОВСКОГО НА КАВКАЗ

Имя Александра Казимировича Сержпутовского (1864–1940) хорошо известно не только в Республике Беларусь, но и далеко за ее пределами. Уроженец деревни Белевичи Слуцкого района Минской области, он всю свою жизнь посвятил изучению белорусского фольклора и этнографии. «Чернорабочий этнографической науки» А. К. Сержпутовский внес значительный вклад в изучение быта и культуры своего народа. В его работах детально рассмотрены вопросы быта, материальной культуры, обычаев, верований, устного народного творчества. Однако в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» информация о других научных интересах А. К. Сержпутовского отсутствует [4, с. 293–294]. Информационный пробел частично был заполнен исследователем В. К. Касько в статье, посвященной жизни и деятельности А. К. Сержпутовского в энциклопедии «Этнаграфія Беларусі», где кроме белорусского материала Александр Казимирович «изучал также быт русских, украинцев, поляков, литовцев, татар, народов Кавказа» [2, с. 459–460]. Более обширную информацию о научных интересах Сержпутовского можно найти в коллективной монографии В. К. Бондарчика и А. С. Федосика [1].

Одной из малоизвестных страниц научного наследия белорусского этнографа является его вклад в кавказоведение – комплексной научной дисциплины, изучающей язык, фольклор, историю, культуру народов, говорящих на иберийско-кавказских языках.

Период работы А. К. Сержпутовского в этнографическом отделе Русского музея императора Александра III (1906–1930) совпал с началом комплектования этнографических предметов, привезенных в результате экспедиций с Кавказа В. Ф. Миллером (в 1880 и 1886 гг.) и А. А. Иностранцевым (в 1890, 1891 и 1893 г.). В этот период изучение быта и обычаев народов Кавказа преследовало своей целью показ российского культурно-политического влияния в регионе после его присоединения в 60-е гг. XIX в.

В 1910 г. перед своим отъездом на Кавказ, А. К. Сержпутовский написал: «Меня не страшат ни трудности, ни опасности, лишь бы только достигнуть намеченной цели...» [цит. по: 1, с. 26]. Несмотря на окончание Кавказской войны находиться на Кавказе было довольно опасно. В начале XX в. широкий размах в регионе приняло абречество. Так, в 1910 г. им удалось совершить успешный набег на г. Кизляр, в 1905–1913 гг. для их ликвидации российской администрацией проводились даже масштабные полицейские операции, в которых участвовала местная милиция, казаки и регулярные части армии.

Цена такой поездки могла стоить жизни А. К. Сержпутовскому, однако преданность и самопожертвование науке, трудолюбие и целеустремленность не могли его остановить. Целью поездки было «собрание этнографических коллекций у дидоев и других народностей глухой нагорной части Дагестана» для пополнения кавказских коллекций Русского музея.

Летом 1910 г. Александр Казимирович отправился в Андийский округ Дагестанской области к верховьям р. Андийского Койсу, населенного дидойцами (цунтами, цезами), которые жили тогда в 36 древних селениях, насчитывающих более 5 тысяч человек, а также небольшие группы народностей гинухцев и капучинцев [1, с. 27]. При этом он столкнулся с рядом трудностей. «Просматривая литературу по Кавказу и населяющим его народам, – писал исследователь, – я, к сожалению, о дидоих нашел лишь самые отрывочные указания, которые не могли меня удовлетворить» [3, с. 274]. Кроме малоисследованного народа, непроторенным оказался и маршрут экспедиции, проходивший по узким труднодоступным горным тропам. Здесь очень высокой была вероятность встретить на пути группировку известного чеченского абрека Зелимхана Харачоевского (1872–1913), поэтому маршрут был изменен. Окончательно решив стоящие перед ним вопросы, А. К. Сержпутовский достиг дидойского селения Шайтль. Из его доклада, зачитанного на заседании отделения этнографии Русского Географического общества 10 декабря 1910 г., видно, что Александра Казимировича, кроме комплектования музейных коллекций интересовали все стороны жизни местного горского населения.

Свое описание этнограф начал с информации о государственном устройстве народа, вероисповедании и языке. Он отмечал, что государственность у дидойцев отсутствовала: длительное время они входили в состав Грузинского царства. В религиозном плане дидойцы были мусульманами суннитского толка, имели собственный язык. Александр Казимирович составил краткий словарь дидойского языка (более 350 слов) [3, с. 295–302]. Он отмечал, что в дидойском лексиконе нет бранных слов. «Дидои не любят плоских шуток, нецензурных намеков и вообще порнографических выражений. Они отличаются и в этом отношении превосходят даже высококультурные народы» [3, с. 287].

В качестве водопровода дидойцы использовали горные речки, течение которых изменялось и направлялось по специальным каналам к дому. Такая система также подавала воду на поля и «даже для вращения жернова маленькой мельницы примитивного устройства».

В докладе очень подробно описано жилище (*видку*), хозяйственные постройки (сарай или конюшня – *речу*; навес – *оц*; амбар или кладовая – *ботли*, сарай для дров – *лагонэ*) и внутренний интерьер. «Видку имеет прямоугольную форму; длина 7–8 арш. ширина 6–7 арш., высота 4–5 арш. (1 аршин – 71,12 см. – А. М.) Стены сложены из каменных плит без цемента, внутри обмазаны глиной или просто землей. Пол – земляной. С южной стороны – крытая галерея с деревянными столбиками. Дверь – небольшая. Окна – квадратные, но в них вставлены доски, в которых для света прорезаны круглые дырки около 0,25 м. в диаметре. Кроме этих окон, в стене имеются маленькие окна-щели, для стрельяния в неприятеля и в крыше неправильной формы дыры со стеклами для пропуска света» [3, с. 280].

Характеризуя особенности хозяйственной деятельности и быта обследованных селений, Сержпутовский отмечал, что дидойцы и гинухцы занимаются земледелием, скотоводством, пчеловодством, охотой, рыбной ловлей и ремеслами. Об эффективности земледелия может говорить тот факт, что «хлеб родиться в таком малом количестве, что при ежедневном употреблении его не хватало бы и на один месяц» [3, с. 282]. Этнограф пишет, что хлеб хранили только для детей и дорогих и почетных гостей.

Главным источником обеспечения продуктами питания является скотоводство (мясомолочные продукты). Преобладающим видом скота были козы и овцы. Из шкур и шерсти животных шили одежду и головные уборы, делали бурдюки и сумки. Рога использовали в качестве вешалок и для изготовления ручек ножей и кинжалов. Однако Сержпутовский подчеркивал, что «с 1872 г., когда у дидойцев отняли в казну почти все горы, покрытые лесом и травой, овцеводство здесь пало до минимума, а вместе с тем, за неимением достаточного количества пищи, начало уменьшаться и народонаселение» [3, с. 283].

Пчеловодство, охота и рыболовство у дидойцев было практически не востребовано, однако полученные продукты присутствовали в рационе питания населения. Преобладающим ремеслом являлось ткачество, выделка кож и дубление овчин. В этой связи, исследователь много уделял внимания повседневной одежде населения. Описывая мужскую и женскую одежду, Сержпутовский обратил внимание, что с момента присоединения территории Дагестана к России значительно изменился материал для ее пошива. К традиционной овечьей шерсти, шкур и войлока стали использоваться привозной ситец белого, красного, черного и синего цвета, а также фабричное и домашнее сукно. Исследователь также подчеркивал, что значительное внимание у дидойцев уделялось головному убору. «Можно носить лохмотья или только клочки одежды, но нельзя показываться другим без головного убора или без кинжала. Здесь можно видеть красивые и дорогие папахи. Наряду с оружием и сбруей, папахи украшают стены сакли» [3, с. 285].

Тщательно в докладе были описаны обычаи и ритуалы дидойцев, давалась их развернутая характеристика (аталычество, гостеприимство, кровомщение, свадебный обряд и т. д.). Особое внимание А. К. Сержпутовский уделял внутрисемейным отношениям, положению женщины в семье. Женщины исполняли практически все домашние и хозяйственные работы, «мужчины, – пишет исследователь, – только пасут стада, строят сакли, устраивают тропинки, мосты и канавки для орошения полей. Все остальное время <...> сидят по целым дням подогнувши ноги, да ведут бесконечные разговоры» [3, с. 291]. При женитьбе мужчина выплачивает большой баишкол (калым. – А. М.), который может достигать 100 рублей. Брачный возраст мужчины, по сообщению А. К. Сержпутовского, равен 17–18 годами, женский – 12 – 14. Если отец дочери хочет быстрее получить баишкол, он готов был выдать ее в 10-летнем возрасте. Сержпутовским были также зафиксированы случаи полигинии.

В конце своего доклада Александр Казимирович сформулировал следующий вывод: «земледелие – в самом плачевном состоянии. Садоводства и огородничества нет. Звероловство мало приносит дохода. О рыболовстве не стоит и говорить. Лесной промысел отсутствует. Заработков нет. О кустарном промысле обитатели не имеют и понятия. За отсутствием дорог они не занимаются ни извозом, ни продажей каких либо продуктов» [3, с. 294].

Там же был помещен и анализ российской правительственной политики по отношению к дидойцам, которым после восстания 1877 г. ограничили пастбища для выпаса скота, что отразилось на рационе питания и численном составе населения. «Местное начальство уже много раз ходатайствовало о возврате дидоям пастбищ, но ходатайства эти остаются пока без удовлетворения, а между тем целая народ-

ность вымирает...» [3, с. 294]. Так, если в 1866 г. общая численность дидойцев составляла 8,3 тыс. чел., то уже к 1894 г. – 4,8 тыс. чел.¹

Вклад А. К. Сержпутовского в кавказоведение трудно не оценить: им было документально подтверждено существование уникальных малочисленных этносов, таких как бежтинцы, гинухцы, ботлихцы, багулалы, каратинцы, описана материальная культура, обычаи, традиции, верования, устное

народное творчество. За время экспедиции он приобрел для Русского музея обширные собрания предметов из труднодоступных районов Западного Дагестана у народов аварской языковой группы. Им был составлен русско-дидойский словарь. В это же время А. К. Сержпутовский работал на Черноморском побережье Кавказа, откуда привез уникальные вещи культуры черноморских шапсугов, наборы бытовых предметов культуры абхазов и грузин-мегрелов. Фотографии, сделанные Александром Казимировичем на Кавказе, в настоящее время активно используются на выставках («Граждане и этносы России. Прообразы избирателей» (Москва, 2009), «Дагестан в дореволюционном объективе» (Махачкала, 2009) и в постоянной экспозиции музеев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарчик, В. К.* А. К. Сержпутовский / В. К. Бондарчик, А. С. Федосик. – Минск: Наука и техника, 1966. – 120 с.
2. *Касько, У. К.* Сержпутоўскі А. К. / У. К. Касько // *Этнаграфія Беларусі: Энцыкл.* (Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 459–460.
3. *Сержпутовский, А. К.* Поездка в нагорный Дагестан. Со вступлением акад. Н. Я. Марра и его же русским указателем к дидойско-русскому словарю / А. К. Сержпутовский // *Живая старина.* – 1916. – Вып. IV. – С. 273–302.
4. *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭН, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 293–294.*

¹ По результатам переписи 2002 г. общая численность дидойцев в Российской Федерации составляет 15 256 человек.